

Михайлов
Григорий

19/5-917

— Скажите, Григорий Георгиевич, какие чувства владеют главным режиссером театра в конце сезона?

— Это смотря какой сезон. Всегда — усталость, даже опустошенность. Но если есть ощущение пользы — одна усталость, а бывает, знаете, просто пустота, звенящая! Все зависит от сезона — удался он или нет, по актерским делам, репертуарно, как складывались отношения со зрителем... Каждый

— Вообще для театра время наше не самое лучшее.

— Да, я разговаривал со многими своими коллегами, у всех состояние, так сказать, взвешенное. Не очень понятно, что нужно сейчас делать. То есть личные страсти к каким-то темам, именам — это есть. Но вот делаешь что-то, а зритель не принимает, остается холодным. Нетеатральное время сейчас, наверное.

— Мне кажется, здесь есть

да в ОБЩЕМ переживании, в едином дыхании зрительного зала. Почему так замечательно мелодрама смотрится? Все вместе переживают за судьбу героев. Это объединяет.

— Я понимаю, о чем вы говорите. Сарказм, надрыз, дрызги — люди устали. То есть, конечно, очистительный анализ был необходим, то, что общим словом называется «покаяние», свое дело сделано, без этого никакое

только что окончившемуся. В нем были интересные работы, разные по жанру. Был замечательный «Рождественский бал» с капустником, открывшим новые грани творчества уже известных актеров. Был Чехов. И вот о нем хочется поговорить немного подробнее, вместо рецензии. В спектакле, на мой взгляд, многое не получилось, но есть честная работа театра, а это всегда подкупает. И есть еще в этом спектакле «послевкусие», которое заставляет возвращаться к нему мысленно еще и еще раз.

Это — четко читаемая мысль о том, что назад возврата нет. Когда мы хотим вернуться в прошлое, где мы были безмятежно счастливы, когда мы начинаем искать в прошлом защиту — это начало конца. Прошлое — в прошлом. Недаром в вашем спектакле мир рушится, сыплется песок, разваливается дом, в котором когда-то кипела жизнь. Интересно, что и в литовском «Вишневом саде», показанном на Прибалтийской, театральной весне, дом тоже разрушается на глазах — проваливаются потолки, полы...

— Необратимость времени — вообще чеховская тема. Это и в «Трех сестрах», и в «Чайке». Для нас «Вишневый сад» был еще и полнотеатральной постановкой, — чтобы понять, насколько театр вообще готов к такой сложной драматургии.

— Это очень важная для меня работа. И «железной трактовки» у меня не было. Проклолов в спектакле много, я вижу их, ощущаю, но актеры, действительно, работают, как вы правильно сказали, честно. Спектакли тоже идут неровно — какие-то более наполнены, в каких-то не происходит «сцепления». Но это для нас всех дорогой спектакль. И зрители его воспринимают — приходили после спектаклей совершенно незнакомые люди, делились впечатлениями, чем-то их спектакль «зацепил». Это дорого. Театра без зрителя не существует, мы работаем для него.

«Театр — дело нестабильное», —

считает главный режиссер

Таллиннского Русского театра Григорий Михайлов

Сов. Эстония. — Таллинн. — 1991.

10 мая

год ведь все меняется. Театр — дело нестабильное. Профессия такая.

— А этот сезон — каким он сложился, на ваш взгляд?

— В груди — печаль. Мне кажется, что в отличие от прошлого, когда все было более-менее сбалансировано, этот сезон страдал аритмией. Одно дело, когда спектакли выходят по плану, все этапы подготовки идут в свое время. А в этом году все, что мы планировали, рушилось — по разным причинам. И по творческим. И по независящим от нас. Не было леса, не из чего было делать декорации — и все, весь график полетел к черту. Не вышел вовремя один спектакль — летит и другой. В этом сезоне не удалось выпустить два спектакля — легко представить себе, что значит отсутствие двух премьер для такого театра, как наш.

— Чего же не увидел зритель?

— «Панночку» — по гоголевскому «Вию» пьесу написала Нина Садур. Мы очень рассчитывали на эту постановку, она была отлично завершила сезон. Время у нас на дворе непонятное, и в пьесе есть такой сдвиг... Что ж, теперь спектакль выйдет осенью.

и еще такой поворот сюжета; сейчас на театре пойдет или откровенная, но прекрасная мелодрама, или, как это ни кажется странным, нечто патетическое.

— Патетика?

— Ну не в дурном смысле, а что-то такое, что в человеке поддержит поруганное жизнью чувство гордости. То, чего сегодня лишено общество, и по чему сегодня тоскуют. В нашей истории ведь были и достойные страницы, не только то, о чем нужно скорбеть, каяться, посыпать голову пеплом. Конечно, не приведи господь нового перегиба, но человеку, обществу силы придает не только сознание своего несовершенства. Нужно какое-то объединяющее начало, какие-то положительные объединяющие эмоции.

— Вы правы, но конкретно — что ставить? Не «Оптимистическую же трагедию»!

— Нет, но, как ни странно, мне кажется, есть нужда в чем-то похожем. Когда я смотрю спектакль с рефлексирющими героями, анализирующий тончайшие душевные движения, я связана со сценой напрямую, работа происходит во мне, мне не до соседей. А сейчас, мне кажется, есть нуж-

движение вперед уже было немислимо.

— Весь этот скрупулезный анализ «пограничного состояния» человеческой души, безусловно, останется, просто рядом с «мертвой», восстанавливающей водой, должна появиться «живая» — не зря же в сказках они рядом, живая и мертвая вода.

— А мелодрама — конечно. Весь Уильямс, по сути, мелодрама.

— По-моему, мелодрама — высокий жанр. И очень трудный. Сложнее всего выдерживать необходимые пропорции...

— У нас есть материал. Л. Разумовская написала пьесу на классический сюжет: Мария Стюарт—Елизавета. Замечательно написала! У нас и роли хорошо расходятся, так что надеемся, что следующий сезон будет активнее и плодотворнее нынешнего. И что связь со зрительным залом упрочится. Со зрителем нужно работать, не надеяться только на святую любовь к театру, заядлых театралов в каждом городе не так уж много. Работа со зрителем — активное дело, целая наука, нельзя к ней безвольно относиться.

— Конечно, это необходимо. Но вернемся к сезону

Беседу вела
Этери КЕКЕЛИДЗЕ.